

Тэру Такакура

НОВЫЕ ПУТИ ЯПОНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1

Недавно в префектуре Коти, на родине Котоку Сюсуй, в связи с приближением пятидесятилетия со дня гибели этого выдающегося поэта и общественного деятеля был проведен большой вечер его памяти. В 1911 году в числе двадцати четырех социалистов Котоку привлекли к суду по так называемому «делу о государственной измене». Всем обвиняемым вынесли смертный приговор. Двенадцать человек казнили. Остальным смертный приговор был заменен пожизненной каторгой. Этот суд представлял собою жестокую расправу, учиненную над социалистами под предлогом того, что они якобы готовили покушение на императора. Теперь известно, что большинство из них, в том числе и Котоку, в действительности были совершенно не повинны в том, в чем их обвиняли; это дело было инспирировано милитаристским правительством для того, чтобы покончить с социалистами.

Котоку Сюсуй, Сен Катаяма и другие социалисты в 1901 году создали в Японии социалистическую партию «Сякай минсюто». Она была запрещена императорским правительством. Партия выдвигала требования свободы личности и равенства, выступала против феодальной монархической системы и призывала к установлению всеобщего мира путем полного разоружения. Она утверждала необходимость построения в Японии социалистического общества. В газете «Хэймин симбун» («Народная газета»), в своем труде «Сущность социализма» (1903) и других работах Котоку пропагандировал идеи социализма. Он впервые перевел на японский язык «Манифест коммунистической партии» (1904). Котоку написал «Письмо к русским социалистам». Он объяснял японским рабочим, что они рука об руку с рабочими России должны выступить против русско-японской войны. Смертная казнь Котоку явилась одним из звеньев в цепи репрессий, направленных на подавление демократического движения.

Как же отнеслись тогда к этим варварским репрессиям японские литераторы?

«Дело Котоку», будучи с определенными целями инспирированным правительством, имеет общие черты с «делом Дрейфуса», но «дело Дрейфуса» вызвало широкое движение протеста, в которое смело включились деятели французской литературы во главе с Золя, и правительство в конце концов было вынуждено капитулировать. В Японии же — и это характерно для страны — писатели почти не откликнулись на «дело Котоку». Связанные с ним события нашли некоторое отражение лишь в произведениях двух авторов: Нагаи Кафу и Исикава Такубоку.

В то время Кафу, учившийся во Франции, только что возвратился на родину, он горел желанием поднять японскую литературу до уровня современной литературы Европы. Японское «дело Дрейфуса» глубоко потрясло его. Однако горькие раздумья привели Кафу к выводу, что писатели Японии не в состоянии критиковать японскую монархию и вести против нее борьбу, что им не остается ничего другого, как пойти путем писателей эпохи феодализма, которые избегали политических тем и описывали лишь несчастную любовь своих героев. Много лет спустя он откровенно написал об этом в своей книге «Фейерверк».

Другим произведением, в котором отразилось «дело Котоку», является дневник Такубоку — замечательного поэта, усвоившего идеи социализма. В его дневнике есть страницы, где поэт со всей прямотой пишет, с каким глубоким возмущением он узнал о расправе над Котоку и его товарищами. Но этот дневник увидел свет лишь через много лет после смерти Такубоку.

Отстранение от политической борьбы стало традиционным для японских писателей. На японскую литературу большое влияние оказывала теория «искусства для искусства», согласно которой настоящее искусство может существовать независимо от того, связан ли писатель в своем творчестве с идеями эпохи или нет.

2

Только с возникновением «Всеяпонской федерации пролетарского искусства», которая стояла на позициях социалистической идеологии, японские писатели в своих книгах стали выступать с критикой условий общественной жизни. Конечно, монархическое правительство обрушивалось на этих литераторов самым жестоким образом. Такидзи Кобаяси, который в повестях «Краболов» и «Отсутствующий помещик» впервые в японской литературе ясно показал положение рабочего класса, был арестован реакционным правительством и зверски убит в тюрьме. Произведения многих революционных писателей подвергались конфискации, а с приближением второй мировой войны пролетарские писатели были совершенно лишены возможности публиковать свои книги.

В условиях предельно жестоких гонений новая литература, отражавшая идеологию рабочего класса, не смогла оказать большого влияния ни на читателей, ни на писателей. Но даже и этот мрачный период истории японской культуры не вызвал сколько-нибудь активного протеста в литературных кругах страны.

Японская литература нового времени не способна была создать базу для энергичной борьбы за демократическое развитие. Это явилось главной причиной, задержавшей у нас развитие реализма.

Два направления стали господствующими в японской литературе. Первое — «тривиализм», мелкотравчатое копирование действительности, при котором основной задачей становилось изображение личной жизни и индивидуальной психологии, а в центре внимания оказывался жанр так называемого «эгоромана». Даже писатели, которые верили в социализм, не смогли освободиться от воздействия этого мелочного копирования.

Второе направление представляло собой внешне полную противоположность первому. Угодливо приветствуя монархизм, представители этого направления восхваляли верноподданничество, послушание старшим и другие догмы феодальной морали.

Произведения первого направления обычно называли «подлинной литературой». Второе направление было почти полностью представлено произведениями, которые именовались «массовой литературой». Оба эти направления, сохранившиеся в японской литературе и поныне, весьма мешают ее здоровому развитию. Они не только затрудняют это развитие, но и, если принять во внимание огромные перемены в жизни современного японского общества за последние годы, начинают отравлять литературу новым ядом.

3

Японская литература нового времени испытала наибольшее влияние со стороны русской и французской литератур. И все же

она не смогла в полной мере воспринять их лучшие литературные традиции. Главная причина этого — тяжелые условия, в которых развивалась общественная жизнь Японии.

После революции Мэйдзи (1868) Япония, хотя и шла быстрыми темпами по пути капитализма, но этот путь был осложнен особо острыми противоречиями, связанными с необходимостью обеспечить накопление капитала на базе феодальной системы землепользования. Развязав японо-русскую войну 1904—1905 гг., японский капитализм вступил в стадию империализма. Однако это не только не ослабило феодальные силы японского общества и опирающуюся на них монархическую власть, но, наоборот, усилило их. Верховная власть находилась в руках обожествленного императора, и в стране не могла развиваться демократия, даже в ее буржуазном понимании.

В условиях господства средневековых форм политической власти гуманизм и демократия подавлялись, поэтому в японской литературе не смогло в полной мере развиваться и направление критического реализма. Вот почему, несмотря на то, что японские писатели стремились перенять опыт русской и французской литератур, их произведения оказались гораздо слабее произведений Бальзака, Золя, Флобера, Мопассана, с одной стороны, Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Тургенева, Достоевского и Толстого — с другой. Следует подчеркнуть, что коренная причина такого положения заключается в японском общественном строе. Вместе с тем, конечно, ответственность лежит и на японских литераторах, которые не сделали серьезных попыток развернуть смелую борьбу против этого строя.

4

После второй мировой войны японский народ оказался в экономической, политической, военной и культурной зависимости от американского империализма. Это произошло потому, что японский монополистический капитал и реакционные силы, являющиеся его агентурой, продали США суверенитет страны. Правящие круги полагали, что если они в результате поражения в войне потеряют способность управлять Японией, то им удастся сохранить свое господство с помощью вооруженных сил США. Вот почему американские войска оккупировали остров Окинава и на территории страны были созданы бесчисленные американские военные базы, причем расположенные на них войска США получили право экстерриториальности. Японский народ поставлен сегодня в небывало униженные условия. Правящие круги страны во главе с японским монополистическим капиталом стали не только реакционной силой — они превратились в предателей родины.

Заключение нового японо-американского «договора безопасности», воплощающего

в себе японо-американский военный союз, ясно показало, что эти реакционные силы, вступив в связь с американским империализмом, делают главный упор на возрождение милитаризма и приходят в открытое столкновение с японским народом, который горячо жаждет мира.

Реакционные силы Японии, поддерживающие правительство либерально-демократической партии во главе с премьер-министром Киси, превратились во врагов нации и все более изолируют себя от народа, жаждущего независимости, мира и демократии. Вместе с тем, противопоставив себя на международной арене всем людям земного шара, выступающим за мир, эти силы превратились во врагов мира во всем мире и снискали себе ненависть всего человечества.

Это обстоятельство привело к огромным сдвигам в японской литературе.

5

Кэндзо Накадзима и многие другие литераторы открыто выступили против нового японо-американского военного договора. В этом политическом движении приняли участие не только писатели-коммунисты, но и широкие круги японских деятелей культуры. Открыто встав на сторону японского народа, они как патриоты подвергли резкой критике продажную политику правящих кругов Японии и смело поднялись на борьбу против монополистического капитала.

Известный литератор Кадзуо Хироцу, оставив работу над новыми книгами, уже в течение нескольких лет прилагает все усилия к тому, чтобы выяснить действительные обстоятельства, связанные с «делом Мацукава» (1949). «Дело Мацукава» представляло собой неслыханно наглый политический заговор, который инспирировала японо-американская реакция с целью удержать в своих руках власть, возродить милитаризм и ослабить силы рабочего класса, выступающего против ее политики. Ради осуществления этого заговора двадцать ни в чем не повинных рабочих были брошены в тюрьму, где их продержали почти 10 лет. Четверо из них при вторичном рассмотрении дела были приговорены к смертной казни. В конце концов благодаря массовому движению протеста было принято решение о пересмотре дела. Усилия Хироцу сыграли в этом роль, которую трудно переоценить. «Делу Мацукава» была посвящена пьеса, поставленная театральной группой «Синкокугэки» и другими театральными коллективами. Пьеса глубоко взволновала многочисленных зрителей. Сейчас по ней создан кинофильм. Таким образом, народные мас-

сы получают еще большее представление о «деле Мацукава».

Японо-американская реакция, стремясь к возрождению японского милитаризма, проводит фашизацию школьного преподавания. Введена в действие система «классификации учителей» с целью изгнания и запугивания прогрессивно настроенных преподавателей.

Известный японский писатель Тацудзо Исикава в своем романе «Человеческая стена» отразил ожесточенную борьбу японских учителей против фашизации школы. Первая часть этого романа уже экранизирована, и кинофильм также пользуется большим успехом. Вскоре должна быть экранизирована вторая часть романа.

Американские оккупанты в 1949 году убили председателя Всеяпонского профсоюза рабочих государственных железных дорог Симояма для того, чтобы добиться увольнения прогрессивных рабочих, членов этого профсоюза. Недавно известный автор детективных романов писатель Киохару Мацумото на основе научного анализа фактов разоблачил действительные обстоятельства «дела Симояма».

В октябре 1958 года делегация японских писателей в составе семи человек во главе с Сэй Ито приняла участие в Первой конференции писателей стран Азии и Африки в Ташкенте; она единодушно одобрила резолюцию, протестующую против колониализма, и резолюцию о культурных контактах между Востоком и Западом. И «дело Симояма», и «дело Мацукава», и система «классификации учителей», и новый японо-американский «договор безопасности» — все эти акты представляют собой проявления колониальной политики, политики дальнейшего подчинения японского народа американскому империализму. Резолюции Ташкентской конференции придали новые силы японским писателям и вселили в них еще большую уверенность. Японские писатели стоят сейчас перед необходимостью сознательно и серьезно подойти к политическим вопросам и определить, какой политической линии они должны придерживаться — иными словами, должны ли они идти с империалистами, предающими интересы родины, или с рабочим классом, со всеми подлинными патриотами.

С каждым днем расширяется борьба народа против нового японо-американского договора. Литература начинает все полнее выражать национальные требования народа.

Я уверен, что в недалеком будущем в японской литературе появятся выдающиеся произведения.

Токио